Авторская статья официального представителя Следственного комитета России В. Маркина в интернет-издании «Life»

Генерал-майор юстиции Владимир Маркин — об итогах почти десятилетней работы Следственного комитета и о системе сдержек и противовесов в правоохранительной системе.

Осенью этого года и без того надвигались поводы для подведения каких-то предварительных итогов — и для меня лично, и для службы. Отсчёт коренной реформы системы следствия можно начинать с создания Следственного комитета при Прокуратуре РФ в 2007 году, а можно и с момента назначения Александра Ивановича Бастрыкина заместителем Генпрокурора. В любом случае скоро первый юбилей — десять лет. Впрочем, повод для серьёзного разговора есть и без этого. Недавние громкие аресты сотрудников СКР не позволяют ограничиться позитивными итогами десятилетия. Теперь мы просто обязаны посмотреть на проделанную системную работу со всех сторон.

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

А главное — ответить на вопрос, отражает ли этот скандал какие-то теневые свойства выстроенной системы? Или это просто системный сбой? А может быть — остатки сопротивления системы, на смену которой пришла новая? Но всё же сначала я бы попросил справедливо обеспокоенных сограждан принять к сведению ряд серьёзных достижений выстроенной системы.

Для начала я бы взял и сравнил содержание активной критики власти, особенно правоохранительной системы, десять лет назад и сейчас. И тогда, и сейчас главной проблемой общества и угрозой государству является коррупция. Причём конкретных примеров коррупции за десять лет стало намного больше — вместо смутных подозрений в адрес всех чиновников теперь есть десятки тысяч уголовных дел, где названы имена, пароли, явки, миллиардные суммы похищенного и возмещённого. Казалось бы, вот оно — подтверждение исходной правоты оппозиции. Однако прозападные пропагандисты не спешат почему-то использовать столь очевидные факты. Нет бы давать подробности конкретных уголовных дел в отношении губернаторов, мэров, генералов, депутатов, банкиров, менеджеров госкорпораций и исполнителей крупных госзаказов. Вместо этого фокус внимания публики пытаются перевести на абсолютно мифологические вбросы — "ловлю чёрных кошек в тёмных-претёмных подвалах Кремля или Лубянки". Последний пример такой "критики" по лекалам англо-саксонского агитпропа — обвинение ФСБ в подмене пробирок с мочой, доказательством чего является (чёрным по белому в русофобском докладе) "отсутствие каких-либо доказательств"! Уже этот уход и отвлечение публики от антикоррупционной темы говорит сам за себя и является признанием системных успехов СКР и всей правоохранительной системы.

Хотя бывают и исключения — разоблачение коррупционеров в системе СКР стало для антисистемных агитаторов прямо-таки бальзамом на раны. И эта злорадная реакция тоже подтверждает, что до сих пор Следственный комитет особо и упрекнуть было не в чем. Хотя и здесь тоже вопрос — есть ли смысл упрекать систему за самоочищение?

Вторая тема антисистемной пропаганды, которая десять лет назад лилась очередями из каждого оппозиционного окопа информвойны, — это обвинение правоохранителей в политическом ангажементе, в преследовании оппозиции и покрывании лояльных власти политиков и чиновников. Что и говорить — основания для такой критики тоже имелись. Только вот, чтобы исправить ситуацию круговой поруки, когда правоохранители так или иначе зависели от региональных и местных властей, и нужна была коренная правовая реформа органов следствия. После того как независимая система СКР заработала в полную силу, "неприкасаемость" куда-то исчезла. Одно время при каждом аресте "спецсубъектов" из либерального крыла поднимался вселенский гвалт про "новый 37-й", пока самим не надоело. Если уж приспичило шуметь о преследовании какой-то партии, то единороссов среди подследственных и осуждённых намного больше. Но всем понятно, что никакой политики в этом нет, кроме принципиальной установки руководства на очищение власти.

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

Ещё одна дежурная для нулевых тема критики — это безнаказанность преступников, нераскрытые преступления — наследие беспредела 1990-х. Да, слабая власть, ограбленное государство долго не выполняли своих функций. Кроме политической установки на борьбу с преступностью нужно было почти с нуля строить и оснащать криминалистическую вертикаль, усиливать центральный аппарат следствия, чтобы взять на себя координацию оперативных служб и содействие всем следователям в регионах. Об успехе этой проделанной работы говорит очень большое число — сотни и тысячи раскрытых тяжких преступлений прошлых лет.

Бандиты, державшие в страхе целые города, "чёрные" риелторы, серийные маньяки, фальсификаторы-отравители, мафиозные кланы — никого не забыли. Особенно контрастна эта разница между наступившим новым веком в России и затянувшимися девяностыми у соседей стала видна в Крыму после его воссоединения. Ещё одна болевая точка начала века — это терроризм, смертельная угроза обществу от транснациональных преступных групп и сетей. При всех известных эксцессах недавнего времени их число в целом снижается, а раскрываемость этих самых сложных для расследования преступлений стала практически стопроцентной. Лишь единицам из преступников удаётся укрываться в зарубежных странах под видом политических беженцев. В этом самом опасном секторе преступности требование неотвратимости наказания строго выполняется. И хотя основная заслуга в этом оперативников ФСБ и других ведомств, не будем недооценивать роль централизованной и высоко профессиональной системы СКР. Это касается не только идейных террористов, но и таких "корыстных" группировок, как пресловутая "банда ГТА". Без координации на уровне руководства СКР, только силами региональных правоохранителей многие нападения даже не были бы распознаны как работа одной и той же банды, не говоря уже о раскрытии. Так что успехи обновлённой и укреплённой системы следствия в борьбе с преступностью очевидны для всех.

Теперь есть смысл обернуться к "тёмной" стороне юбилейной медали. Как и почему могло случиться такое, что именно лица, отвечавшие за борьбу с коррупцией внутри ведомства, оказались сами вовлечены в теневые схемы? Конкретные мотивы этого вовлечения будут установлены следствием и судом, но трудно оспорить сам факт теневых комбинаций, сделавший следователей подозреваемыми. Для конструктивного ответа на этот важный вопрос нужен системный взгляд на всю реформу следствия. Зачем вообще нужно было организационно отделять следствие от прокурорского надзора над ним? А затем же, зачем следствие по самым важным делам было давно уже отделено от оперативного розыска. Хотя казалось бы, вместе современные "знатоки": следователь, оперативник, эксперт-криминалист — могут достичь большего. Только вот задачи системы, в отличие от задач следственной группы, намного шире и глубже. Система должна защищать граждан не только от преступников, но и от возможных злоупотреблений или просто ошибок самих защитников. Об этом необходимом милосердии к людям не из системы говорится в моём и не только моём любимом фильме про Жеглова и Шарапова. Да, очень важно защитить жизнь мирных граждан от жестоких бандитов. Но, даже поддаваясь обаянию и восхищаясь профессионализмом

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

Жеглова, его коллеги, авторы фильма и зрители понимают, что у него уже имеет место так называемая профессиональная деформация. Для него сыск, азарт, погоня, карающий меч — это и есть вся жизнь, заслонившие все остальные стороны. А это тоже опасно для общества, чревато тем самым "37-м". Поэтому следователи, криминалисты, оперативники и сегодня тоже всегда работают вместе в рамках следственных групп. Но при этом контроль над их действиями осуществляется отдельными вертикалями, следящими за качеством их работы и профессиональной этикой.

И каждое ведомство, по сути, так или иначе контролирует своих смежников. Следователей страхует от ошибок не только собственное начальство, но и прокурорский надзор. В свою очередь сами следователи принимают, проверяют на соответствие закону и оформляют документально работу оперативников. И если даже конкретный следователь вдруг по старой дружбе или иным мотивам закроет глаза на сомнительные действия оперативника, то независимая вертикаль следствия этого не допустит. А если вдруг следствие начнёт перетягивать на себя оперативные функции, тогда коллеги-оперативники напомнят о законе.

Следственный комитет России с самого начала реформы десять лет назад выстраивался именно как машина, в которой во главу угла поставлены вполне определённые профессиональные навыки и личные качества его сотрудников. Эти навыки, мотивы, привычки для следователей совсем не такие, как для оперативников. Это оперативникам нужно уметь переиграть преступника здесь и сейчас, с помощью оперативных комбинаций выйти на след, иногда долго ждать в засаде, потом заманить в ловушку и захлопнуть за добычей дверку СИЗО. Следователь тоже должен в этих оперативных тонкостях разбираться, чтобы подсказывать оперативнику, что и как может стать доказательством. Сама же следственная вертикаль нацелена не на игры, комбинации и проникновение в среду, а на погружение в предметный контекст, сопоставление и анализ информации, поиск связей и доказательств. Это совсем другие отделы и даже полушария работают. Причём чем выше уровень руководства следствием, тем более глубоко нужно понимать суть действий и оперативников, и следователей в контексте Права, накопленного и сконцентрированного векового опыта работы профессионалов. Поэтому, собственно, для реформы следственной вертикали десять лет назад и был приглашён учёный-правовед, имеющий опыт работы в органах, а не просто опытный правоохранитель. Систему нужно было выстраивать как можно ближе к недостижимому правовому идеалу, и взяться за такое дело, ещё недавно казавшееся безнадёжным, мог только настоящий питерский интеллигент. Только на всякий случай уточню, что в отстаивании своих идеалов настоящий интеллигент действует очень жёстко. В этом уже много раз могли убедиться предатели и нарушители законности и в самом Следственном комитете, и в правоохранительной системе в целом.

Но что делать, если до какой-то поры сотрудники искренне доказывали свою преданность общему делу и не было причин им не доверять? А потом вдруг вспомнили из школы пример таможенника Чичикова, чтобы взять и конвертировать честное имя в нечто весомое и осязаемое. Возможно, если бы во главе ведомства был не идеалист, а параноик, не

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

доверяющий никому и никогда, такого горького стыда не пришлось бы всем нам испытывать. Но вот вопрос, а был бы в таком случае результат, основанный на этом самом стремлении к правовому идеалу? С другой стороны, смежники из оперативного ведомства помогли, подстраховали, то есть правоохранительная система в целом сработала, как и было задумано. В отсутствие оперативно-розыскных полномочий у самого СКР такую помощь могли оказать только коллеги-оперативники. Да и следствие коллеги из ФСБ могут помочь провести более объективно. Каждый профессионал должен как можно лучше делать своё дело. Каждая вертикаль быть независимой, хотя бы для того, чтобы не бояться поправить смежников в случае ошибок и системных сбоев. Тогда и общий результат работы всей системы на общество будет всё ближе к идеалу эры милосердия. Только это вовсе не про утопию общества без преступников, ибо, где люди — там и ошибки, порою грубые. Идеал — это когда общество ценит и поощряет профессионализм, основанный на принципах Права. А сами профессионалы не прощают друг другу грубых ошибок, не дают сделать их фатальными и делают всё, чтобы впредь на эти же грабли не наступать.

В. Маркин

Интернет-издание «LIFE» от 02.08.2016

02 Августа 2016

Адрес страницы: https://sledcom.ru/press/interview/item/1058169

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации